

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002

РОМАН №5 2025 ГАЗЕТА

Михаил Щербаченко / Ода пустому кошельку

АВТОР О СЕБЕ

Всю жизнь сочинял. Репортажи, статьи, очерки. Пьесы, сценарии, песни. Приказы, доклады, постановления.

Работая в газетах и журналах, выпустил море публикаций на всевозможные темы — от социалистического соревнования на передовом заводе до борьбы с пьянством и алкоголизмом, при этом, что важно, сам в борьбе не участвовал.

Для телевидения писал сценарии некогда знаменитых «Голубых огоньков», несколько лет был ведущим «Песни года», самой популярной музыкальной программы Советского Союза.

Потруился для театра, сочинив детскую оперетту по мотивам узбекских сказок, которые сам же и выдумал, а также мюзикл о попсе 80-х. Спектакли идут до сих пор, зрители по-прежнему ходят и даже смеются.

В течение десяти лет работал в московском правительстве, руководил Комитетом по телекоммуникациям и средствам массовой информации. Самонадеянно считал себя лучшим чиновником среди литераторов и лучшим литератором среди чиновников.

Ну, и, разумеется, были книги. В последние годы вышли «Краткий курс научного карьеризма», «Жизнь как искусство встреч», «Круиз для среднего класса», «Мадам де Маникюр», «Москвич. Власть и судьба Юрия Лужкова»

Родина оценила старания, наградила орденом и почетным званием, коллеги избрали действительным членом Академии российской словесности, а также присудили несколько профессиональных премий, в том числе — «Золотое перо России». Что ободряет и мотивирует.

КОЛЛЕГИ ОБ АВТОРЕ

В 90-х годах прошлого века журналисты любезного отечества повадились уходить в другие сферы. Кто в бизнес, кто в пиар, а кто и во власть. Немногие преуспели, но почти никто не вернулся в журналистику. Михаил Щербаченко и преуспел, и вернулся. Предлагаемый читателю сборник его лучших новелл, многие из которых впервые были опубликованы в газете «Вечерняя Москва», — это не только результат творчества талантливого прозаика и публициста, но и часть его яркой биографии, в которой нельзя убрать ни строчки.

Александр Куприянов, писатель, главный редактор газеты «Вечерняя Москва»

Сразу видно, что рассказы и повести Михаила Щербаченко создавались с удовольствием, а это весьма заразительно. Так что читатель, в свою очередь, волен насладиться и блеском изложения, и самоиронией автора, и его приметливой наблюдательностью.

Владимир Вишневский, поэт

Если говорить об авторском стиле, то это (мое особое мнение) смесь Довлатова с Веллером, вот так. Хотя любое форматирование, возможно, здесь неуместно. Щербаченко — он и есть Щербаченко, сам себе стиль.

Александр Мельман, публицист, газета «Московский комсомолец»

Проза Михаила Щербаченко вызывает у меня добрую улыбку, грусть и желание читать еще и еще. Умный и ироничный взгляд на жизнь, наблюдательность, знание этой самой жизни в ее рутинных парадоксах и несомненный дар рассказчика — все это отличает автора.

Он повествует вроде бы о рядовых вещах, с которыми мы сталкиваемся ежедневно, но в его зрении есть острота и образная избирательность. Говоря о мимолетном, он говорит о главном: о жизни, смерти, любви, смысле нашего пребывания на этой земле. Михаил Щербаченко тонко чувствует то, что я называю «симбиозом противоречий» и без чего невозможна настоящая литература.

Юрий Поляков, писатель

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

Редакционная коллегия:

Дмитрий Белокин
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

Ответственный редактор
Елена Русакова

Оформление художника
Александра Егорова

Права на использование товарного знака «Роман-газета» принадлежат ООО «Роман-газета», 2025
© ООО «Роман-газета», 2025
Все права защищены

Журнал зарегистрирован в Министерстве связи и массовых коммуникаций РФ. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-68350 от 30.12.2016 г.

Подписаться на журнал «Роман-газета» можно в отделениях связи и через Интернет: roman-gazeta-1927@yandex.ru

Подписные индексы издания:

в объединенном каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может не совпадать с позицией редакции

2025 №5 /1970/ Основана в 1927 г.

Михаил Щербаченко

Ода пустому кошельку

Путеводитель от автора

Уважаемый читатель! В этом сборнике разных историй вам будет представлено довольно-таки много персонажей, срисованных с натуры. Все эти люди, основательно или вскользь знакомые автору, важны уже потому, что оказали на меня влияние, чаще всего об этом не догадываясь. Я пробирался между ними, как краб между камнями, кого-то обходя, кого-то задевая боками, об кого-то больно ударялся, возле кого-то отдыхал. Каждый из нас шлифуется трением об окружающих. Как сказал один знакомый дипломат, жизнь — это искусство встреч.

Будет весьма лестно, если вы согласитесь вслед за автором познакомиться с моими встречаемыми, людьми точно небезынтересными. Для чего предлагаю ознакомиться с «путеводителем» сборника.

Глава «Инфоцыганка по имени жизнь» прозрачно намекает на то, что именно она, жизнь, способна вразумить вас так, как не сможет ни самый модный коуч, ни самый дорогой блогер-мотиватор.

В сугубо личной главе «Вещественные доказательства» автор представит вам трепетно хранимые предметы, связанные с занятными и поучительными историями из моей скромной, хотя и довольно протяженной биографии.

Глава «Сборочный цех успеха» расскажет о хитросплетениях в судьбах самых разных деловых людей — от чиновника до массажистки, от актера до активного пенсионера.

Повесть «Мадам де Маникюр» — женская история, в которой сплетены сентимент и расчет, влечение и обман, деньги, шмотки, интриги и иная атрибутика, приличествующая любовно-финансовой мелодраме.

Очерк «Нехорошая квартира» — документальный детектив о краже и возвращении квартиры в самом центре Москвы. С чрезвычайно полезными рекомендациями правоохранителей.

И, наконец, надо пояснить смысл заглавия сборника — «Ода пустому кошельку». Так же назван один из рассказов. Его герою дарят нравоучительную книгу, где утверждается, что если вы не потратите к концу жизни заработанные деньги, то считайте, что зря промотали отпущенное вам время. Что думает на сей счет персонаж, заранее не скажу, зато предлагаю взглянуть на этот постулат, так сказать, через широкоугольный объектив.

Если понимать жизненный капитал не только как деньги и имущество, а еще и как энергию человека, его природные и благоприобретенные дарования, его трудо-

способность, целеустремленность, профессиональные и иные амбиции, — короче говоря, всю совокупность отпущенных ему ресурсов, — то, согласитесь, выглядит разумным, рачительным, если угодно, гуманным израсходовать их по максимуму. Исчерпать до дна.

Однако человек включает иную диалектику и задает себе разные вопросы. Стоит ли рвать пуп? Или свесить весла и плыть, наслаждаясь течением? Если все же напрячься, точно ли будет толк? Вдруг ты себя переоцениваешь. Кстати, что выгоднее — переоценить себя или недооценить? И если все же впрягаться, то ради кого — ради себя или других? А эти другие оценят ли твои усилия и сам их результат? Если нет, тогда зачем? Уж если тратить силы, то исключительно для собственного удовольствия. Но морально ли это, достойно ли? И так далее — по кругу.

В перекрестье подобных сомнений и живут персонажи этого сборника.

Собственно говоря, как и его автор.

ИНФОЦЫГАНКА ПО ИМЕНИ ЖИЗНЬ

Ода пустому кошельку

Никто не станет спорить, что разбирать подарки натуро после дня рождения — дело в высшей степени приятное. Тем более после юбилея с немалым числом статусных гостей — в таких случаях дешевые презенты дарить не принято. Из сказанного следует, что Елисей Даровцев, накануне достигший шестидесятилетия и закативший по такому случаю неслабый банкет, приступил к разбору пакетов и коробок со сладким предвкушением.

Он поочередно вынул набор старинных монет, фотоальбом в переплете из кожи крокодила, кашемировый плед, раритетную Библию, столовое серебро... В пакете с открыткой от старинного друга лежал коньяк, возрастом равный юбилею, и книга со странным названием: «Перед уходом обнулились». Открыв ее, Даровцев прочитал нижеследующее:

«Если вы растрачиваете часы, дни, месяцы и годы своей жизни на приобретение денег, а затем умираете, не спустив все эти деньги, значит, вы бестолково промотали уйму драгоценного времени и энергии. Поэтому постарайтесь потратить свои финансы до наступления смерти, оставив на банковском счете округлый ноль».

Все понятно, книга очередного иноземного коуча. Вообще-то Даровцев ничего не имел против этих инфоцыган. Если они собирают на свои тренинги многотысячные залы, если миллионы легковерных подписываются на их интернет-курсы, то и на здоровье. Он и сам в каком-то смысле причислял себя к лукавой касте менторов и много кого в жизни замотивировал по принципу «как разведешь, так и зарабатываешь».

Будучи человеком динамичным и гибким, Даровцев владел многочисленными навыками. Он умел открывать, закрывать и поглощать бизнесы, мог возглавить рекламное агентство, туристическую компанию и футбольный клуб, создать радиостанцию и экологическое движение, разработать политический имидж кандидата-во-что-хотите.

К юбилею он подошел с чувством удовлетворения и усталости. Работать дальше желания не было. Денег заработал немало, но немало и потерял в разных хедж-фондах, обвалившихся банках, непродуманных стартапах, да и просто просвистел в казино. Кое-что осталось в кубышке, кое-что в недвижимости, шиковать не приходилось, но жить было можно.

Стоп. А с какой такой целью старый дружан, который знал Елисея еще с институтских времен, преподнес ему эту книжку про обнуление? Просто приколотся? Или подал какой-то важный знак? Ладно, полистаем дальше.

«Ошибка, о которой я постоянно твержу, — зарабатывать и зарабатывать, забывая при этом, в чем заключен смысл зарабатывания. А он в том, чтобы конвертировать ваши деньги в те впечатления, которые вы сами выбрали или выберете. Ведь главное, на что вы будете жить в старости, — это ваши воспоминания. Поэтому они однозначно стоят того, чтобы заплатить за них не торгуясь. Вроде бы это так просто уяснить, тем не менее, люди продолжают увеличивать свои активы до тех пор, пока не прекратят работать, и боятся потратить свои капиталы даже после выхода на пенсию».

«Ну, это как раз понятно», — подумал Даровцев, вспомнив свой недавний разговор с раскрученным еще в восьмидесятые годы эстрадным певцом, который, мучаясь одышкой и болью в суставах, по сей день колесит с концертами по провинциям. И на вопрос: «Зачем себя изводить, разве не заработал на старость?» — честно отвечает: «А вдруг я проживу еще долго и мне не хватит?»

Странную, однако, концепцию предлагает этот коуч. Ведь в его же собственной Америке считается правильным вкалывать, пока лапы не склеишь. Как ни крути, существует общепринятый стандарт: заработал, оставил в наследство детям, те умножили активы, передали внукам... И так далее, пока, следуя превращениям жизни, не народится тот, кто пустит все это по ветру, и тогда начинай сначала.

Даровцев продолжал листать книгу, чем-то она его зацепила. «Например, что это за впечатления и воспоминания, на которые, по суждению автора, не жалко ахнуть все сбережения? Что же может меня так воодушевить», — размышлял юбилер, напрягая память и фантазию.

По жизни он не был понторезом, не зарился на яхты, джеты и виллы на Лазурке, называл это лишней головной болью, хотя не уточнял при этом, что таких денег у него и близко нет. Московский райдер Даровцева включал стандартный набор, а именно: квартиру в центре, фазенду в ближнем Подмосковье

и большой черный автомобиль. Все это у него уже имелось и новых расходов не требовало.

Куда же вкладываться? Первое, что пришло на ум, — путешествия. К своим годам Елисей Даровцев побывал в реперных туристических точках, отдал должное красотам природы и творениям рук человеческих. И честно признался себе в том, что турист он ленивый и нелюбопытный. Увидел по разу то, что приличествует джентльмену, — Тадж-Махал и Колизей, Пальмиру и Мачу-Пикчу, истуканов острова Пасхи и айсберги Гренландии, прогулялся по Великой Китайской стене — и хватит. Лететь двадцать часов за тридевять земель, чтобы потом мучиться от джетлага, или изнывать от скуки в океанском круизе не было ни малейшего желания.

Тогда что? Допустим, охота. Смотраться в Африку и пристрелить (как корректно выражаются охотники, добыть) большую африканскую пятерку. Слона, льва, леопарда, носорога и, кажется, буйвола. Говорят, это даже гуманно, поскольку на деньги от продажи дорогих лицензий восстанавливают популяцию редких животных. Можно будет сфоткаться рядом с убитым тобой зверем. Ага. А потом львята со слонятами будут являться во сне. Жуть жуткая. Нет уж, к чертям такие впечатления.

Идем дальше. Коллекционирование художественных ценностей. Это и статусно, и затратно. Сотбис и Кристис не потянуть, но есть уйма всяких выставок и аукционов. Когда-то Даровцев пытался увлечься современной живописью, даже посещал курсы вместе с рублевскими женами, изнывающими от безделья. Он научился отличать фовизм от орфизма и неоэкспрессионизм от сенсационализма. Посещал музеи и галереи — от флорентийской Уффици (где, к своему удивлению, узнал, что «уффици», которых он считал знатным родом вроде Медичи, переводится с итальянского как «офисы»; в этих небольших комнатах и развешаны да Винчи с Боттичелли) до московского «Паркинга», основанного супругой олигарха. После чего без особой грусти вынес вердикт, который нынешняя молодежь формулирует как «не вставляет». А тратить деньги, не получая адекватного удовольствия, — до такого даже изворотливый коуч не додумался.

Без всякой зависти Даровцев наблюдал, как люди, деликатно изъясняясь, в возрасте дожития учатся танцевать разные бачаты и сальсы, посещают кулинарные курсы, лазают по скалам и стучат в барабаны. Отгоняя деменцию, учат иностранные языки и стихи Бродского. У него, конечно, тоже были увлечения. Любил почитать и умел отличить хорошие книги от плохих. Наведывался в театры, смотрел новые сериалы. Ходил на футбол и бокс. Но все это не требовало больших расходов, обнуления счета никак не просматривалось.

Он продолжал рассеянно листать книжку.

«Пик полезности денег — время, когда они могут принести наибольшую пользу или удовольствие. Этот пик приходится на возраст 30 лет. В эту пору каждый

доллар покупает вам радости ровно на один доллар. К 50 годам эффективность денег значительно снижается. И возникает дилемма: либо вы получаете гораздо меньше удовольствия от этого самого доллара, либо вам нужно больше денег, чтобы достичь того же объема эйфории, какой вы приобретали за один доллар, когда были здоровым и энергичным молодым человеком».

От чего же он получал главное удовольствие в тридцать лет? Ну, тут к гадалке не ходи. От женщин, конечно.

Он не был влюбчивым, но тем немногим, от кого в молодости терял голову, готов был отдать все на свете. И точно получил бы несказанное удовольствие и незабываемое впечатление, увидев восторг в глазах любимой. Вот только в ту пору отдать ему, начинавшему с нуля, было совершенно нечего. А теперь есть чего, но некому. В числе пассий Елисея Серафимовича в последние годы были дамы для души, дамы для тела, дамы для дружбы, дамы для представительства, была даже дама для жалоб на жизнь и вымещения плохого настроения. И для каждой он мысленно устанавливал бюджет расходов. А вот дамы сердца не было. Той, о которой восточный мудрец сказал: изменяй всем женщинам, кроме одной.

И дело даже не в возрасте. Пусть с годами много чего уже не хочется, но все равно хотелок предостаточно. Сердцебиения влюбленного юноши, конечно, не испытываешь, но голова от предвкушений кружилась. Вдруг она обаявится, женщина мечты, для которой ничего не жалко. Хотя вероятность такого поворота, господин коуч, весьма невелика, а следовательно, и на яркие впечатления надежды мало.

Еще остаются дети, как-то он о них забыл. И книга мигмом подхватила тему.

«План «умереть с нулем» включает в себя детей. Если вы отводите им важное место в своей жизни, лучше начать делиться с ними пораньше. К примеру, я отдавал деньги своим детям тогда, когда они могли оказать наибольшее влияние на их жизнь. Оптимальным считаю диапазон 25–35 лет. Не слишком поздно, но и не слишком рано, — вряд ли они растрачат их полностью».

Два сына Даровцева родились от двух жен. Женщины были красивы, и он надеялся, что лицом дети пойдут в них, а остальное возьмут от него. Но вышло ровно наоборот. Старший сын по характеру был авантюристом, шустрым, но доверчивым, ходы просчитывал плохо, вечно влезал в какие-то дурацкие проекты, из которых отец вытаскивал его, погашая неустойки. Младший оказался замкнутым молчуном, инициатив не проявлял, плыл даже не по течению, а в стоячей воде, но при этом был убежден, что весь мир ему задолжал. И папаша, конечно, больше всех.

Само собой, Даровцев мечтал гордиться своими парнями, наслаждаться их успехами, но, чем дальше, тем меньше имел для этого поводов. И понимал, что финансировать их затеи — занятие абсолютно

убыточное. Тем более что и благодарности от отпрысков не дождешься.

Лишить их наследства, что ли, — иной раз в раздражении являлась такая мысль. И что тогда будет? Взбесятся, проклянут, плюнут на могилу. По факту, ему будет уже без разницы. Но все-таки это неправильно: пацаны они хоть и неказистые, но свои, куда денешься. Так что придется с небес наблюдать, как они раздербанят твои денежки. Но это удел многих небедных людей.

А книга вела дальше.

«Чтобы точнее составить план расходов, проконсультируйтесь с врачом и получите представление о вашем биологическом возрасте и рисках. Разобравшись с этим, вам легче будет запараллелить проедание вашего капитала и неизбежное ухудшение здоровья, чтобы обнуление банковского счета совпало с окончанием жизни».

Ишь куда хватил! Постоянно сверять размер своих активов с давлением, уровнем сахара в крови и показателем онкомаркера, — то-то радостная жизнь начнется! Да у этого коуча крыша протекла.

Хотя как посмотреть. Даровцев вспомнил приятеля, который очень себя бережет, полную диспансеризацию проходил чуть ли не ежемесячно. Ездил в швейцарскую клинику на диагностику, лежал в итальянских термальных ваннах, пил чешскую минеральную воду, ставил израильские зубные пломбы. Но ковид управил по-своему, подтвердив, что человек не просто смертен, а иногда внезапно смертен.

И, будто угадав мысли Даровцева, коуч выдал по истине философский тезис.

«Люди, которые откладывают деньги, как правило, откладывают слишком много на слишком поздний период своей жизни. Они обделяют себя сейчас, чтобы позаботиться о «будущем я». А ведь «будущий я», возможно, никогда не проживет достаточно долго, чтобы насладиться этими деньгами».

Тогда что же, черт возьми, остается? Построить, что ли, усыпальницу для себя любимого? Даровцев слышал, что известный олигарх так и поступил, — отгрохал на берегу моря чуть ли не пантеон. Может, в этом что-то есть, — гуляешь вокруг последнего приюта, любишь, наполняешься впечатлениями, ждешь своего часа. А когда кончатся деньги или просто ждать надоест, можно, как рекомендовал известный профессор черной магии, устроить пир и, приняв яд, переселиться в другой мир под звуки струн, окруженным хмельными красавицами и лихими друзьями.

Фу, бред какой-то. Злость ударила Елисею Даровцеву в мозг. Он захлопнул злосчастную книгу, отшвырнул ее подальше, вслух послал по матушке дарителя и, переведя дыхание, продолжил разбор подарков. Открыл ящик темного дерева и залюбовался, — там лежал набор шампуров с позолоченными набалдашниками в виде звериных морд и позолоченные же резные фужеры.

Похоже, жизнь налаживалась.

Мирская слава

Есть везунчики, которые однажды просыпаются знаменитыми, но их немного. Куда чаще публичные люди проходят несколько этапов: узнаваемость, известность, популярность. Продвинуешься еще дальше — станешь знаменитым. Слава кому угодно вскружит голову, но в умной голове должно позвякивать напоминание о том, что предстоит обратный путь, и к нему надо заранее готовиться, чтобы потом не угробить нервную систему.

Так или примерно так рассуждал наш герой, который уже достиг вершин и самую малость не дотянул до вселенской славы Влада Листьева, Юрия Николаева или Юлии Белянчиковой. Его фамилия была будто специально придумана для телеведущего — Звездич. Многие думали, что это псевдоним, но он полусерьезно говорил, что ведет род от князя Звездича, выведенного в лермонтовском «Маскараде». Как бы то ни было, фамилия полностью отвечала статусу своего обладателя.

Звезда Валентина Звездича взошла в конце восьмидесятых, одновременно со «Взглядом», «До и после полуночи» и «600 секунд». Его еженедельная программа была миксом, где смешивались разные темы и жанры. Отечественный криминал с зарубежной попсой, продовольственные перебои с европейской модой, социальные взрывы со спортивными рекордами, медицинские новации с религиозными таинствами. Это могло быть безвкусицей электикой, если бы не фигура ведущего — блестящего коммуникатора, артистичного, реактивного, безошибочно вытирающего верный тон.

С равным успехом он мог разговаривать с бастующими шахтерами и через минуту на прекрасном английском обсуждать с Элтоном Джоном его последний диск. Телезрители каждый раз ждали от ведущего неожиданных поворотов и всегда получали желаемое.

Само собой, он был «укушен желаньем славы», как именовал это состояние Александр Сергеевич. Но звездная болезнь Звездича выражалась не в высокомерном поведении и превознесении своей персоны над другими. Напротив, он демонстративно вел себя на равных с коллегами, старыми товарищами, с уличной публикой. И люди это высоко ценили: надо же, знаменитость — а какой простой, приятный человек. От этого хитрый Валентин кайфовал, ему очень нравилось нравиться.

Страна переместилась в девяностые, переименовалась и преобразилась, вместе с ней изменялось телевидение, места на экране занимали новые люди. Программу Звездича закрыли, предложенный им новый проект не приняли. С главного канала он перешел на канал из первой пятерки, но и там дело не заладилось. За три года Валентин откатился в кабельную сеть. Будь в то время Ютуб, он бы, вероятно, раскрутил какой-нибудь формат, но время видеохостингов еще не наступило.

Тем не менее, массовый зритель Звездича не забыл, и эту память надо было удержать. Он включил старые связи и стал регулярно появляться на разных каналах, где его подавали как легенду отечественного ТВ. В программе «Поженемся, что ли?» ему подбирали жену, в кулинарном шоу «Жуй!» он готовил сосиски с капустой (единственное, что умел), в оздоровительной передаче «Живи и не парься» показывал приемы дыхательной гимнастики, в бесноватой программе «Пусть себе базарят!» комментировал всякие дрызги-брызги

Он мечтал осесть в жюри какого-нибудь телеконкурса — певчих двойников, танцоров, фигуристов, детей, чертей, без разницы. Тогда можно было бы регулярно торговать лицом, умничать, остричь и получать фиксированную денежку. Но за эти места на телеке шла яростная грызня, и Валентину не обломилось.

Зато его часто звали на субботние шоу по случаю юбилея той или иной звезды, где источали комплименты друзья и коллеги, они же тайные недоброжелатели виновника торжества. Там Звездич встречал вышедших в тираж тетушек-дикторов, которые в былые времена были не прочь закрыться с ним на полчаса в гримерке.

Он старался напоминать о себе, искал случая быть замеченным и отмеченным. В обязательном порядке ходил на похороны телевизионных персон, говорил под камеру печальные слова и потом мониторил, прошло ли в эфир. Такие мероприятия в силу неизбежных причин проходили все чаще.

А вот приглашения на ТВ, напротив, случались все реже. И прежде не слишком щедрые гонорары, вручаемые в конце съемки, стали мизерными, а потом и вовсе обнулились. Но это еще полбеда, — из некоторых передач его просто вырезали, даже не извинившись. И совсем уж добил телерепортаж с церемонии «Лица года». На красной дорожке Валентина сняли рядом с блогершей и дали титр: «Лёля Пузова со спутником». Он, Звездич собственной персоной, — спутник?!

После такого конфуза Валентин начал брюзжать. Давая желтой газете интервью под рубрикой «Где они сейчас?», сгоряча отхлестал ТВ по щекам: сплошь похабщина, потакание дурному вкусу, одно слово — зомбоящик. А кто руководит каналами — смех, да и только! Эраст мне свет ставил, Благоеев микрофон носил, Листиков вообще за пивом бегал! В кадре безграмотные неучи; каждая шмара, которая вчера постила кашки своего кота, теперь телеведущая! В общем, не видит он себя в современном эфире.

Интервью произвело эффект разорвавшейся клизмы, после чего телебоссы заключили картельный сговор: этого козла Звездича близко не подпускать. Не видит он себя — ну, значит, и не увидит.

И очень скоро Валентин кожей почувствовал: вот она и началась, жизнь после жизни. Телефон молчал, приглашений не было, деньги таяли. Ректор

Высшей школы телевидения, который еще недавно уговаривал Звездича пойти к нему деканом, технично слился. Впереди замаячила судьба вышедших в тираж дикторов, политических обозревателей, комментаторов и иных фронтменов былых времен. Судьба, называемая красивым словом «забвение».

Валентин велел себе крепиться и ждать нового шанса. Не бухать, поддерживать в тонусе тело и мозг, выглядеть опрятно и, если получится, модно. Еще давно он поклялся себе не красить волосы, когда начнет седеть, и не зачесывать плешь, когда начнет лысеть. Теперь, благородно старея, с усмешкой наблюдал по телеку коллег-ровесников, сморщенных рожи которых украшали свежевыкрашенные и пересаженные шевелюры. Но, черт поberi, этих клоунов пускали в эфир, а его — нет!

Люди, совсем недавно считавшие за счастье встретить Звездича на улице, в ресторане, в магазине, поздороваться в подъезде, не узнавали его. Не делали вид, что не узнают, а реально не узнавали. И никакая доморошенная психотерапия не могла примирить его с таким положением дел. Надо было найти выход. И выход нашелся.

Если тебя вычеркнули из жизни там, где тебя знала каждая собака, надо уехать туда, где ни одна собака тебя не знает. Ты станешь не бывшим, а просто равным среди равных, что совсем не плохо и не обидно. И твое уязвленное, кровоточащее самолюбие обретет наконец покой.

Звездич взвесил варианты. Америка слишком далеко, Азия не рассматривалась, Англия была не по карману. Он сдал свою 200-метровую квартиру и дачу на Новой Риге и уехал на Кипр. Там арендовал мезонет (по-нашему — таунхаус) в городе Пафосе, излюбленном месте британских пенсионеров и вновь прибывших китайцев. Русские там, конечно, тоже имелись, но внимания на Валентине не фиксировали. В данной ситуации именно это и требовалось.

Размеренно-овощная жизнь ему понравилась. Он подолгу гулял вдоль моря, поднимался в горы, полюбил простые таверны и местную самогонку — зиванию. «Что ж! Камин затоплю, буду пить... Хорошо бы собаку купить», — декламировал он Бунина, возвращаясь с морских купаний.

Но надо было как-то осваивать местный образ жизни. Для начала научиться водить автомобиль с правым рулем. Взяв напрокат машину, Звездич ранним утром пристраивался в хвост идущему впереди транспортному средству и ехал строго за ним, повторяя все его маневры. Некоторым водителям казалось, что их преследуют, они останавливались и устраивали Валентину скандал, но его это не смущало. В результате уже через неделю таких упражнений он вполне свободно рассекал по острову, время от времени матеря шоферов, едущих по встрече прямо ему в лоб. И, лишь увернувшись, понимал, что сам по привычке выкатился на правую полосу.

Освоив технику передвижения, следовало двигаться дальше, а именно — завести какой-никакой

круг общения. Киприоты, англичане, китайцы и русско туристо интереса не вызывали. Но однажды в приморском ресторане приятная дама пригласила Валентина за столик, где ужинала компания соотечественников. Это были довольно молодые люди, ведущие бизнес на острове или перегонявшие извлеченную на исторической родине прибыль в кипрский налоговый рай. Мужчины тщетно тужились вспомнить, кто такой Звездич, но их жены, почитающие себя светскими львицами, имели о нем представление.

Новые знакомые охотно приглашали Звездича на разные посиделки и приемы, брали его с собой на рыбалку и прочие морские увеселения. Валентин оживлял общество прибаутками о своих встречах со всевозможными видами, все было мило и весело, если бы не немой вопрос, исходящий от мужской половины компании: если ты такой великий, то почему такой бедный? Сами эти ребята, хоть и не форбсы, имели просторные виллы с бассейнами и пальмами, крутые тачки, а кое-кто даже яхты. Они симпатизировали Звездичу, ничуть не хотели его обидеть, но легкий дымок высокомерия проникал в чуткие ноздри Валентина.

Что же касается их жен и подруг, то от них исходили иные флюиды. Одна симпатичная мадам открыто приманивала Звездича, он уже собрался пойти на зов, но его уведомили, что муж дамочки досиживает срок за экономические преступления и скоро объявится, а субъект он мнительный и недобрый. Валентин остановился на распутье, но ситуация разрешилась сама собой: явился ковид.

Во время долгого локдауна Звездич пристрастился к философии, проштудировал Лао Цзы, Канта, других гигантов мысли. Уединение его не тяготило, даже наоборот. Он надумал отрешиться от суетного мира и запретил себе смотреть информационные программы и сайты. Но профессиональная привычка взяла свое, и однажды, включив новости, он обнаружил, что на Украине началась специальная военная операция.

Вскоре на Кипре появились украинские беженцы. Они были разными: от очевидно малоимущих людей до вельможных панов, арендовавших дорогие авто и ужинающих в лучших ресторанах острова. По-разному и вели себя — кто-то тихо сидел по углам, а кто-то являлся в пятизвездочные отели и требовал бесплатных завтраков, массажей и пляжных услуг. Изредка случались конфликты с русскими, но дальше словесных перепалок дело не заходило. Власти предупредили обе стороны, что в случае агрессивных действий надо заснять обидчика на камеру и отправить видео в полицию.

Каждые десять дней к Звездичу приезжала домработница Нина, привозила кастрюльки с едой, стирала-убирала. Вот и на этот раз, накануне Дня Победы, она переделала дела по дому, и Валентин вышел ее проводить. Женщина направилась через дорогу к своей микролитражке, украшенной гвардейской лентой. И тут, едва не сбив Нину, рядом рез-

ко тормознула машина с желто-голубой наклейкой на лобовом стекле. За рулем сидел плечистый хлопец, сзади — женщина.

Выпрыгнув из автомобиля, парень сорвал гвардейскую ленту и стал орать на Нину. Она не растерялась, достала из сумки смартфон, включила камеру. Парубок попытался вырвать смартфон, дернул за руку, Нина упала.

— Эй, что вы себе позволяете?! — закричал Звездич не утратившим былой красоты голосом, однако на украинца богатые обертоны произвели обратное действие. Он принял боксерскую стойку и двинулся на Валентина, которому надлежало срочно решить дилемму: отступить ли, позорно восклицая: «Хелп!», или встретить противника лицом к лицу, как в битве следует бойцу.

И в этот момент из автомобиля выскочила женщина и завизжала: «Стой, Микола! Не смей! Это же Звездич!»

Через час все четверо участников скандала сидели в таверне и пили зиванию, закусывая жареной барабулькой. Утихший Микола рассказывал Нине, как они с матерью добирались на Кипр из Чернигова, а сама Олеся Петровна, врач-педиатр, внимала легендарному Звездичу, распушившему хвост и сыпавшему байками из жизни знаменитостей, к которым, как внезапно выяснилось, и сам до сих пор принадлежал.

Где-то далеко, за тысячи верст, рвались снаряды, а он брал реванш за печальные годы забвения, слегка при этом опасаясь, что услышит от пожилой женщины убойную фразу: «Я выросла на вашей передаче».

Жиртрест

Новая знакомая внимательно посмотрела на Хлебосалова, отпила глоток вина и произнесла отрепетированную фразу:

— Мы с вами можем вместе обедать, ходить на концерты, зарабатывать деньги, плести интриги и бить врагов. Можем быть приятелями, даже друзьями, можем быть деловыми партнерами. Единственное, кем мы не можем быть, это любовниками.

Хлебосалов всегда считал, что опытному мужчине достаточно трех минут, чтобы понять, подходит ли ему эта женщина. С Новой Знакомой хватило одного взгляда, чтобы запасть на нее с долгосрочными намерениями. Боясь спугнуть, он включил режим неторопливого охмурёжа. Они несколько раз поужинали, сходили в оперу и на вернисаж, им нашлось о чем пошутить и поумничать. После пятого randevу он решил, что пора сократить дистанцию (брудершафт, легкие прикосновения, медленный танец). Местом действия был выбран модный ресторан с живой музыкой. И вот поди ж ты!

— Мне с вами очень интересно и приятно, — продолжила дама через паузу. — Но я не смогу лечь с вами в постель. Просто не люблю жирных мужчин.

Он не донес устрицу до рта, и она упала на крахмальную салфетку, которую Хлебосалов на манер слюнявчика разложил на обширном животе.

— Не обижайтесь, я просто не хочу подавать вам ложную надежду, — манерно изъяснилась Новая Знакомая и ушла.

Хлебосалов заказал водки и призадумался. Ему, как и всякому джентльмену с большим пробегом, иной раз доставались морально-этические пощечины от дам, но такого прямого в челюсть он не получал никогда.

На следующее утро он встал голышом перед большим зеркалом и начал разглядывать свое отражение в рост. То, что по типу телосложения он приписан не к худосочным астиникам и мускулистым атлетикам, а к корпулентным пикникам, Хлебосалов знал еще с юных лет. И, двигаясь с годами по восходящей — упитанный, плотный, дородный, тучный, грузный, толстый, жирный, — совершенно не парился насчет своих габаритов.

Преувеличенные размеры не мешали ему прилично танцевать, играть в волейбол и завязывать шнурки, не садясь на табуретку. А в соединении с веселым характером, артистизмом и безотказным чувством юмора он выглядел просто милашкой. Оно и понятно, ведь толстые эпикурейцы гораздо симпатичнее тощих. Отношениям с женщинами полнота ничуть не препятствовала, никто из жен и подруг не капал на мозги насчет похудения, а одна озорница даже как-то сказала: «Люблю, когда рядом со мной шагает бревно», — и это прозвучало комплиментом. Живя в согласии с аксиомой, что хорошего человека должно быть много, сам он, однако, всегда предпочитал худышек.

Новая Знакомая пошатнула его самооценку и заставила посмотреть на себя без снисхождения. На зеркальном полотне в центре живописной композиции располагалось пузо, которое злые языки именуют передней жопой. В этом мешке обитали ферменты под названием ароматазы, которые преобразуют тестостерон в эстрадиол, то есть главный мужской гормон в женский. Тенденцию к перемене пола поддерживали также сиськи второго размера и приметы целлюлита на филейной части. Что касается первичных половых признаков, то они пока сохранялись, хотя удостовериться в этом можно было лишь с помощью того же зеркала — по причине, именуемой в народе зеркальной болезнью.

Насладившись увиденным, Хлебосалов злобно зарычал и завесил зеркало пледом. Потом позвонил Новой Знакомой и сказал, что приглашает ее на ужин. В то же место, в тот же час. Только через полгода.

Опыт похудения у Хлебосалова был, но двадцатилетней давности. В ту пору разбогатевшая публика решила удлинить свой земной путь, дабы подольше насладиться первоначально накопленным капиталом. Новая концепция завораживала своей революционностью, поскольку включала аж три вида воз-

держания: не бухать, не смолить, не жрать. И отдаленно напоминала классический советский анекдот: «Жизнь за родину отдашь?» — «Отдам, на хрена мне такая жизнь!»

Хлебосалов, который привык думать, что его телесная тучность подразумевает финансовую крутизну, тоже попал под влияние тренда и опробовал на себе многие тогдашние фишки. Голодал и клизмился, сидел на гербалайфе и тайских таблетках, раздельно питался, потел в паровой бочке... От усердия легко мог склеить ласты, но силы молодого организма уберегли жизнь и рассудок.

Результат впечатлил. Из категории пузанов он вернулся в разряд крепышей, но не это оказалось главным. По-роденовски отсекая все лишнее, Хлебосалов как будто переработал вредный жир в нематериальные, но ощутимые и полезные субстанции: энергию, выносливость, духоподъемность. Гордость за содеянное переполняла душу, открывала новые жизненные ориентиры, усиливала желание извлекать прибыль.

В такой звездной форме Хлебосалов продержался еще полтора года, много чего свершил, но однажды услышал сладкоголосое пение сирен: перестань себя изводить, ты давно заслужил поощрение. Расслабься, проспи тренировочку, покушай вкусенького, выпей крепенького, это же эндорфины, гормоны радости, они продлевают жизнь получше всякого ЗОЖа.

И Хлебосалов дал себе послабление, а точнее — дал слабину. Он посчитал, что, если будет прибавлять ежедневно всего по 10 граммов живого веса, ничего, в сущности, не изменится. Но расчет оказался с изъяном, ибо ничтожные 10 граммов превращались в ежемесячные 300 и в ежегодные три с половиной кило. В результате за четыре ударных пятилетки он проследовал обратным путем до станции на 144-м килограмме. Но не переживал, поскольку знал наверняка, что у него хватит силы воли изменить себя. Если возникнет нужда, которая не возникала. Вплоть до ужина с Новой Знакомой.

Итак, цель была поставлена, осталось выбрать средства. Самые скорострельные из них — хирургические. Можно провести баллонирование: засунуть тебе в желудок силиконовый пузырь с физраствором, и будешь чувствовать, что сыт. А можно сделать резекцию, то бишь оттяпать три четверти растянутого желудка, и он перестанет вечно просить хавчика. Но, поразмыслив, Хлебосалов решил, что Новая Знакомая при всех ее прелестях не стоит таких рисков.

Под знамя борьбы были стянуты иные резервы. Избалованный шоу-бизнесом диетолог за сумму, на которую можно было бы целый год питаться одной черной икрой, составил рацион и заколебал контрольными звонками. Персональный тренер с замашками садиста гонял по тренажерам. Массажист своими лапами и пятками уплотнял рыхлое тело. В модной карельской клинике очищали кишки и

ускоряли метаболизм. Хлебосалов без конца пересчитывал калории, шаги и пульс, по пять раз на дню вставал на весы, но желаемые цифры никак не появлялись. Мало того: от одного голодного взгляда на какую-нибудь шаурму прирастало граммов двести.

Организм, который всегда благодарно отзывался на усилия хозяина, с годами стал несговорчив, приходилось биться с ним смертным боем, повторяя мантру: делай не то, что хочешь, кушай не то, что любишь. При этом Хлебосалов совершенно не стремился к худостройности, — она свела бы на нет его вальяжное обаяние. Даром не нужны были кубики на животе, вполне устраивала ненавязчивая округлость брюшка. Никаких рельефных мышц на теле, никаких жестких очертаний лица, куда важнее крепкая задница, которую, как известно, замечают женщины.

Месяца через два наметились сдвиги. Шея легко завертелась в прежде удушливых воротниках. Под застегнутый пиджак, как и положено, помещался кулак. Брюки можно было снять не расстегивая. Даже ботинки и кепки, которые в пору при любых габаритах, и те стали слегка велики.

Дальше — больше. Постепенно еда без соли приобрела вкус, а частых крохотных порций хватало, чтобы не испытывать голодные спазмы. Казавшаяся пустой тратой времени двухчасовая ходьба со скандинавскими палками начала доставлять радость. То, что еще недавно приходилось делать через силу, закреплялось в рефлексах. В десять вечера организм требовал сна, в шесть утра — побудки. Утро дарило предвкушение интересного, содержательного дня. Из черно-белого кино жизнь превращалась в цветное.

Ровно через шесть месяцев после памятного ужина наступил момент истины: бывший жиртрест снял плед с зеркала. Перед ним стоял мужчина в расцвете лет, сил и желаний. Гедонист, готовый жить долго и счастливо.

Новая Знакомая сразу взяла трубку. Она была приветлива и о назначенном ужине не забыла. Хлебосалов надел новый костюм, который был на три размера меньше прежних, и устремился на зов трубы. Ветер удачи дул в его упругий зад.

Охота к перемене мест

Вот здесь, пожалуй, пора бы и завершить квартирную Одиссею. Так рассуждал Степан Палыч Пропискин, меряя шагами пустое пространство на 9-м этаже 18-этажного дома. Дом был новый, и квартира, естественно, была «первичкой», без отделки и даже без планировки, только бетон да стеклопакеты. У владельца уже имелся проект, согласованный с застройщиком и БТИ, и он осознавал, что сейчас, к примеру, расхаживает по гостиной, а теперь переходит в спальню, а рядом с ней, ясное дело, просторный санузел...

Опытный Степан Палыч понимал, что, когда построят перегородки, поставят двери и, уж тем более, когда завезут мебель, 130 квадратных метров перестанут казаться необъятным простором. Это будет абсолютно рациональная, компактная квартира, организованная для проживания одинокого мужчины, который пребывает на рубеже возраста дожития (именно таким оскорбительным манером обозначают социологи тех, кому сильно «за»). Но при этом в ней будут стиль и вкус, которые вышедший на пенсию профессор математики Пропискин пестовал в себе всю жизнь.

Степан Палыч присел на подоконник, предварительно протерев его носовым платком, и сделал то, что он и прежде делал в подобных случаях. А именно — достал фляжку и стаканчик, налил коллекционного французского коньяка и произнес абсолютно новый тост: «Ну, дай бог, последняя», — имея в виду конечно же не коньячную дозу, а квартиру. Хватит уже странствовать, пора бросать якорь.

Выпив по второй, а потом и допив фляжку, Пропискин вспомнил, как заложил обряд обмывания новой жилплощади. Тогда тоже был коньяк, но дешевый, на другой не было денег. Зато счастье лилось через край. Это сейчас он испытывает не более чем спокойное удовлетворение, а тогда, тридцать пять лет назад, был взрыв восторга.

Накануне защиты диплома студент Степа Пропискин, прибывший из зауральских краев обучаться в московском вузе, осознал острое нежелание покидать Белокаменную. Требовалась столичная прописка, которая проще всего приобреталась бракосочетанием с москвичкой. Так был создан союз с однокурсницей с последующим заселением в ее маленькой панельной двушке. Бонусом прилагалась теща, которая считала зятя проходимцем, но, вняв мольбам дочери, все же прописала его на своей жилплощади. Своей — потому что именно она была тем, кого в ту пору называли ответственным квартиросъемщиком.

Жили и в тесноте, и в обиде, которую порождает теснота. Через четыре года у супругов родилась дочь, и совместное проживание друг у друга на головах перешло в критическую фазу. Нужно было расширяться.

А теперь — информация для тех, кто в силу возраста не познал, и тех, кто, опять же в силу возраста, запомнил. Чем было жилище в Стране Советов? Оно было мерилом судьбы и значило больше, чем финансы, карьера и здоровье. При этом денежного эквивалента не имело, никаких вам рынка и цены квадратного метра. Квартиру, принадлежащую государству, люди получали бесплатно (жилищные кооперативы не в счет, они были для избранных).

Но это, так сказать, общий контур. Мы же ведем рассказ о конкретном, как ныне выражаются, кейсе. Итак, молодой специалист Пропискин с женой, дочерью и тещей проживал в хрущевской двушке. Коридор с ноготок, крохотная кухня, совмещенный